

ТЕРРИТОРИЯ СУДЬБЫ

ВИТАЛИЙ БЕЗРУКОВ

ЕСЕНИН

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б40

Безруков, Виталий Сергеевич.

Б40 Есенин / Виталий Безруков. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 512 с. —
(Территория судьбы).

ISBN 978-5-17-169746-4

О Есенине писали много и долго. Одни — с подобоострастным обожанием, прикрывая
нелицеприятные моменты из жизни стихами, другие — с удовольствием выставляя скан-
далы напоказ.

Его восхваляли, критиковали. Но так о нем еще не писал никто!

Роман Виталия Безрукова «Есенин» — это эпическая история трагической любви к Роди-
не поэта Сергея Есенина. Тонко, драматично и шокирующе правдиво автор раскрывает загадки
трагической гибели великого русского гения.

С этих страниц на вас будет смотреть не только русский классик, но и поражающий своей
искренностью и самозабвенностью простой человек, одержимый земными страстями.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-169746-4

© Безруков В.С., 2024
© Наппельбаум М.С., 2024
© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2024

Сергей Есенин

Жизнь — обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожь,
Жизнь — обман, но и она порою
Украшает радостями ложь.

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь — стезя.
Пусть обманут легкие подружки,
Пусть изменят легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным словом,
Пусть острее бритвы злой язык,—
Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.

Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил — забыли про меня.

Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и любимой,
Эту жизнь за все благодарю.

ПЕСНЯ

Есть одна хорошая песня у соловушки —
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, росла — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

Думы мои, думы! Боль в висках и темени.
Промотал я молодость без поры, без времени.

Как случилось-сталося, сам не понимаю.
Ночью жесткую подушку к сердцу прижимаю.

Лейся, песня звонкая, вылей трель унылую.
В темноте мне кажется — обнимаю милую.

За окном гармоника и сиянье месяца.
Только знаю — милая никогда не встретится.

Эх, любовь-калинушка, кровь — заря вишневая,
Как гитара старая и как песня новая.

С теми же улыбками, радостью и муками,
Что певалось дедами, то поется внуками.

Пейте, пойте в юности, бейте в жизнь без промаха
Все равно любимая отцветет черемухой.

Я отцвел, не знаю где. В пьянстве, что ли? В славе ли?
В молодости нравился, а теперь оставили.

Потому хорошая песня у соловушки,
Песня панихидная по моей головушке.

Цвела — забубенная, была — ножевая,
А теперь вдруг свесилась, словно неживая.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

Эдуард Хлысталов снял с себя полковничий милицейский мундир, достал из шкафа серый костюм, белую рубашку, галстук и, аккуратно разложив все на диване, направился в ванную. Наскоро сполоснувшись, на ходу вытираясь махровым полотенцем, поспешил на кухню.

— Бегу! Бегу, гаишник!

Он выключил чайник, налил кипяток в приготовленный заранее бокал с круто заваренным чаем. Вернулся в комнату, надел рубашку, галстук, брюки. Стоя, большими глотками, обжигаясь, выпил чай. В прихожей перед большим зеркалом надел пиджак. Критически глянув на свое отражение, усмехнулся.

— ...А лучшие годы, как птицы, летят, и некогда нам оглянуться назад... Да! — вздохнул Хлысталов, взял кейс и, машинально надев на голову милицейскую фуражку, вышел из квартиры. Запирая ключом дверь, отметил про себя: «Надо бы дверь сейфовую поставить, а то уже дважды взламывали... И грамотно так. Никто ничего не видел... не слышал... Профессионалы! Не какие-то домушники... Только бумагами интересуются!.. Ну-ну! Последим!»

Легко преодолев четыре лестничных пролета, вышел во двор, здороваясь с сидящими на скамеечках у подъезда старушками, которые улыбались, отмечая несоответствие штатского костюма и форменной фуражки.

Сев в свою старенькую «Волгу», с трудом запустил двигатель.

— Ну! Не капризничай, старушка!

«Бах-тах-трах-ррр», — ответила машина.

Хлысталов глянул в зеркало заднего обзора и понял, чему улыбались бабули у подъезда.

«Что это я в последнее время? — Он кинул фуражку на заднее сиденье. — Плохо без Нины. Присмотреть некому! — Осторожно пересек двор, выехал на улицу и надавил на газ, вливаясь в общий поток. — Хорошо, воскресенье сегодня, пробок не будет. По Рязанке до Садового, потом до Красной Пресни, а там на Ваганьковское. — Глянул на часы: — Успею еще цветы купить тебе, дорогой наш Сергей Александрович».

Пятнадцать лет назад Хлысталову прислали письмо. Он тогда работал старшим следователем на Петровке, 38. Письмо в обыкновенном конверте, таких ежедневно приходило множество, но это запомнилось ему на всю жизнь, хотя он до сих пор не узнал адрес отправителя. Когда заглянул в конверт, то кроме двух фотографий с изображением мертвого человека ничего не нашел. Решил, что произошла ошибка, — в тот момент дел по убийству у него не было. Он позвонил в секретариат. Девушка-инспектор объяснила, что в конверте записки не было, а на фотографиях — мертвый Сергей Есенин. Вот тогда, взглядевшись, он узнал его.

Шел сорок второй год. Немцы, отступив, окопались недалеко от столицы, накапливая силы для повторного удара. Карточное голодное время, жизнь не стоила ломаного гроша. Человека могли убить за кусок хлеба. Мать Хлысталова работала надомницей. На складе швейной мастерской под расписку ей выдавали кучу слипшихся от крови шинелей, гимнастеров убитых красноармейцев. Они с матерью везли их домой, стирали в ручье, сушили, выкраивали уцелевшие куски ткани и шили рукавицы. Два раза в неделю связывали тяжелейшие сумки и, еле передвигая ноги, тащились до маминой работы. Мастерская находилась далеко от трамвайной остановки, и попасть туда можно было, пройдя километра три по Хорошевскому шоссе вдоль железной дороги или через Ваганьковское кладбище. Первый путь был длиннее, но по кладбищу ходить боялись из-за шпаны, которой было предостаточно. Однажды, понадеявшись и махнув рукой на все опасности, они решили скоротать путь и, не оглядываясь, побежали через кладбище. Пробежав добрую половину пути, изможденная мать не выдержала и села на прелую прошлогоднюю листву. Рядом свалился и Эдик. Пока переводили дух, взгляд мальчишки упал на невысокое корявое деревце со срезанной

корой. На светлой древесине чернильным карандашом были нацарапаны слова: «Я такой же неудачник, как и ты». А рядом — чуть видимый под ногами могильный холмик со ржавым крестом и надписью: «С. Есенин».

Эдик вздрогнул.

«Что с тобой?» — спросила мать. «Ничего!» — а самого словно током шибануло. В свои десять лет он отлично знал, кто такой Есенин. Его стихи запрещены, за них можно было на Колыму угодить. Совсем недавно, до войны, его отец играл по воскресеньям на гармошке и тихо, чтобы не было слышно за дверью, напевал песни на стихи Есенина. Они всегда были грустными, он рукавом стирал с лица слезы. Наверное, кто-то из соседей донес куда надо (подлых людей во все времена хватало), и однажды ночью к ним по деревянной лестнице, по жалобно скрипящим ступеням, на второй этаж пришли трое молчаливых мужчин. Все перевернули, швырнули на пол гармошку, сняли со стены берданку и увели отца. Спускаясь по ступенькам, отец крикнул: «Эдик! Ты уже большой! Береги мать! И ничего не бойся!.. Помни: Есенин — душа наша!»

Придя в себя, мать Эдика побегала у ворот московских тюрем, но ничего не узнала и не добилась. Отец сгинул навсегда.

Когда Эдик подрос и полюбил поэзию, к могиле Сергея Есенина ходил часто. И не один, а с друзьями. А уж в день рождения — как на святой праздник.

Подъехав к Ваганьковскому кладбищу, Хлысталов вышел из машины, прихватив кейс, и, заперев дверцы, подошел к торгующим цветами женщинам, купил десяток ярко-красных гвоздик.

— Здравствуй, Эдик, здравствуй, дружище! — Широко раскинув руки, навстречу Хлысталову шел Алексей Велинов, грузный мужчина одних с ним лет, улыбаясь голливудской улыбкой, как и положено человеку, ухватившему «судьбу за хвост». После троекратных объятий и христианских поцелуев, несколько нарочитых со стороны Велинова, они двинулись в ворота, подавая милостыню попадающимся нищим.

— Вот еще год пролетел, Эдик, дорогой ты мой друг. Все реже встречаемся. Дела! Дела! Черт бы их взял... Замотался весь. Давай потише пойдём, задохнулся, мало двигаюсь. Кабинетный работник. А ты молодцом, форму держишь. Мне бы тоже разгрузочные дни надо устраивать. А то вот, — хлопнул он себя по животу.

— Не разгрузочные, а нагрузочные тебе, Леша, надо. Бегай по утрам. После шести — холодильник на замок.

— Тебе бы не в милиции, а в инквизиции работать, Эдик! — замурлыкал Велинов, как кот Матроскин, и сам же расхохотался своему остроумию.

— И рад бы в рай, да грехи не пускают, — в тон ему парировал Хлысталов.

— Какие у тебя грехи? Праведник был всю жизнь. Или я тебя не знаю?

— Чужие грехи, Леша, чужие не пускают. — Хлысталов остановился, глубоко вздохнул, поморщился.

— Ты чего? — встревожился Велинов. — Сердце?

Хлысталов кивнул и улыбнулся.

— Как мотор у моей «волжанки»: барахлит, но тянет.

— Менять не собираешься?

— Чего? Сердце?

— Машину! Хотя сейчас и сердце шунтируют. Раз плюнуть!

Хлысталов отрицательно покачал головой.

— На мой век хватит и этой. Скоро в отставку. Только дельце одно распутаю до конца... и все! Сниму грех, так сказать.

Чем ближе подходили друзья к могиле Есенина, тем плотнее становился людской поток.

— Ну вот и пришли! Глянь, народу сколько! — Лицо Хлысталова стало торжественным, сердечная боль отступила, на душе стало тепло и солнечно, как в детстве.

— Любит, любит народ Есенина! Как бы ни клеветали, каких бы собак ни вешали на него! — бормотал полушепотом Хлысталов. — Здравствуй, Сергей Александрович! Гений ты наш! Великомученик русский! С днем рождения тебя! — Он произвольно перекрестился и поклонился, на глаза навернулись слезы. — Леша!.. Леша! — с трудом произнес он, будто проглотив комок в горле. — На! Цветы положи. Ему!

Волнение друга передалось и Великому.

— Да! Да! Конечно! Цветы! А как же! Ты спокойно, Эдик. Спокойно! У тебя сердце. — Алексей взял букет и, раздвигая людей руками и отталкивая плечом, стал продвигаться к могиле Есенина. — Позвольте! Позвольте, товарищи! Дайте пройти, — громко говорил Велинов командным голосом, не терпящим возражений. Пробившись к могиле, засыпанной охапками цветов, он поклонился, положил цветы и, обернувшись к над-

гробному памятнику Есенину, неожиданно высоким, срывающимся на крик голосом, начал:

— Владимир Маяковский. «Сергею Есенину»:

*Вы ушли,
как говорится,
в мир иной.
Пустота...
Летите,
в звезды врезываясь.
Ни тебе аванса,
ни пивной.
Трезвость.
Нет, Есенин,
это
не насмешка.
В горле
горе комом —
не смешок.
Вижу —
врезанной рукой помешкав,
собственных
костей
качаете мешок.*

Толпа людей, окружавшая могилу Есенина, зароптала. Велинов, не обращая внимания на шум, продолжал:

*Почему?
Зачем?
Недоуменье смяло.
Критики бормочут:
— Этому вина
то...
да сё...
а главное,
что смычки мало,
в результате
много пива и вина.*

Из толпы уже кричали:

— Не бойсь, Леша, милиция рядом с тобой, все в порядке! — ответил Хлысталов, снисходительно похлопав его по плечу. — Посмотри, все успокоились!

Раздались аплодисменты, и место, где только что читал Велинов, заняла девушка. Размахивая в такт рукой, она звонко начала читать:

*Как снять ярмо самоубийцы
С поэта, Родины и птицы?
Стреляют влет и судят разом.
И слух ползет, ползет проказа,
Позор, и слава, и бессмертье.
Он просит, требует: «Поверьте!»
За ним российские деревни
И мир могучий, цепкий, древний!..*

— Так что за дельце ты распутываешь, Эдик? Мокрое? — спросил Велинов, вытирая вспотевшее лицо белым надушенным платком.

— Мокрое, Леша, мокрое! — Хлысталов кивнул на надгробный памятник Есенину. — Вот мое дело, Леша.

— Я не понял...

— Вот мокрое дело, которое я вот уже десяток лет расследую...

— Есенин?! — удивленно вскинул брови Велинов.

— Он, родимый! Ты прислушайся, что девушка читает... Сидорина ее фамилия, кстати, хорошая поэтесса... честная!.. Не верит народ в самоубийство Есенина... И я не верю! Убийство! Заказное убийство! Оно было всегда, во все времена... и сейчас есть! Тебе, как сотруднику госбезопасности, это известно не хуже моего. Да что там!.. Давай отойдем, сядем где-нибудь. — Эдуард взял Велинова под руку, и они пошли по дорожке, ища взглядом скамейку.

— Господи, погода сегодня какая! Как на заказ, ко дню его рождения. Ты чего так посерьезнел, Леша? Обиделся на народ? Так ведь «класс не заливает жажду квасом... класс, он тоже выпить не дурак...» Сам виноват! Дернуло тебя читать эти стихи. Эрудицией хотел блеснуть? Вот и блеснул... как в лужу... ваше превосходительство — товарищ генерал!

— Несмешно, Эдик. Ты мне ответь — зачем тебе все это надо?! Существует же официальная версия!

— Знаю! Все знаю! Знаю эту хрестоматийную версию, навязанную народу, как, впрочем, всю нашу историю революции...